Алхимик

Рассказы - 1

Дмитрий Львович Казаков

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Старый Якобус из Нейштадта проводил Великую Трансформацию. Он скрупулезно следовал указаниям мудрецов древности. Еще немного и будет создан философский камень. Всё! Можно вынимать тигель, и…

- Дмитрий КАЗАКОВ
  - АЛХИМИК
- notes
  - 1

Дмитрий КАЗАКОВ

АЛХИМИК

Проснулся от громкого хрипа, не сразу понял, что хрипит сам, громко, с присвистом. Поднял голову, откашлялся и только тут осознал весь кошмар ситуации: «Задремал, заснул!». Ужас холодной волной прокатился по телу: «Заснуть во время Великой Трансформации, как я мог! Тридцать лет работы могут пойти прахом». Мысли бежали судорожные, испуганные. Несмотря на необходимость спешки, поднялся со стула медленно, со скрипом, давно уже не молод, да и занятия алхимией здоровья не прибавляет. Охая, проковылял к рабочему столу, суставы немелодично поскрипывали. Песок в часах пересыпался всего на две трети. «Слава создателю» – от вздоха облегчения поднялась пыль, закружилась сизым облачком. Успокоенный, алхимик выглянул в окно, первый раз за последнюю неделю. На улице сумрак, то ли утро, то ли вечер, он давно уже сбился со счета времени. Тридцать пять дней назад в его атаноре [1] началась Великая Трансформация, и с того дня он не выходил из лаборатории, почти не ел и почти не спал, за что теперь едва не поплатился. Процесс Трансформации долог и сложен, составляющих расплава многие сотни, каждую надо добавлять в точно рассчитанное по фазам Луны и положению звезд время. Ошибка в несколько минут означает провал. Лишь при соблюдении всех условий, всех мельчайших подробностей в указаниях древних мастеров, может появиться на свет философский камень, Lapis philosophorum, что способен превращать свинец в золото, исцелять болезни, даровать владельцу бессмертие и вечную молодость. Многие, очень многие пытались получить камень мудрецов, но лишь он один, он, Якобус из Нейштадта, так близко подобрался к цели. Три фазы Трансформации из четырех осуществил он: черную, когда едва не отравился ядовитыми газами, белую, когда атанор накалился так, что к нему нельзя было подойти, и красную, когда багровый свет, вырвавшийся из печи, едва не сжег алхимику глаза. Для работы Якобус добыл и пустил в ход дорогие и редкие ингредиенты: живое серебро, аурипигмент, зеленую медь, йеменские квасцы, маркозит и драконью кровь. Книги, что занимают все свободное пространство лаборатории, стоят целое состояние. Отец Якобуса, почтенный купец, наверное, переворачивался в гробу всякий раз, видя, как непутевый отпрыск тратит нажитое десятью поколениями негоциантов, и клял себя за то, что в свое время послал сына учиться в Эрфурт, где тот и заразился бациллой золотоделания.

Но сейчас все это было уже не важно. Сквозь дверку в атаноре Якобус хорошо видел в расплаве «философское яйцо», внутри которого зреет и вот-вот будет готов, вот-вот родится Истинный Царь, Истинный Меркурий, коего невежи называют философским камнем. Если роды пройдут успешно, а в этом Якобус не сомневался, то все затраты окупятся, богатство вернется в род Форштайнов, а вместе с ним к последнему отпрыску его придет и великая слава.

Отогнав тщеславные мысли, Якобус повел плечами, развел руки. Тело слушалось плохо, почти месяц без движения в сырой, полутемной лаборатории без сна и еды. Кровь бежала по сосудам медленно, лениво, в груди что-то скрипело. Со вздохом опустил руки, повернулся к столу. Взял огромный древний том, что агрессивно встопорщился навстречу языками закладок, открыл. Процесс трансформации столь длителен и сложен, что приходится постоянно обновлять в памяти детали следующего этапа. Витиеватый стиль авторы-алхимики сохраняли даже в практических рекомендациях: «Когда четвертый цикл приблизится к своему завершению, возьми красного свинца, что приготовлен заранее под благоприятным влиянием Юпитера на растущей Луне. Четыре унции будут надобны тебе, отмерь тщательно. Осторожно помести в расплав, подожди, пока расплавится, пока красный цвет не уступит место багровому, пока сумерки не пожрут пламя. Тогда быстро закрой свою печь от доступа воздуха, ибо утроба при рождении царя очень легко может быть повреждена заразой, что в воздухе содержится. Жди, ибо сказать, сколько будет вылупляться Царь, не может никто, но не более суток».

Взглянул на часы, – песок пересыпался почти весь. Из ящика под столом Якобус извлек скляницу, отмерил четыре унции красного свинца. Осторожно, длинной железной ложкой, поместил в расплав, подождал, пока ярко-красный цвет не сменится густо-багровым, вернулся к книге. Страницы сухо шелестели в неподвижном воздухе лаборатории: «Затянет окисел поверхность в тигле, подобно тому, как тучи затягивают небо, тогда знай, что ты почти достиг цели. Жди момента, когда разойдутся тучи, и узришь ты великое чудо. Сразу поймешь, что достиг ты цели, что родился Великий Магистерий. Осторожно вынимай тигель из печи и под слоем блеска обнаружишь ты яйцо, что стало золотым, в котором и обнаружишь ты Солнце Мира, ради которого столько трудился».

Все, оставалось совсем немного, оставалось дождаться знака. Заглянул в атанор, поверхность металла оказалась покрыта окислом дымчато-серого цвета. Прислушался к стуку за окнами –

пошел дождь. Пришло время воспользоваться книгами, которые он уже давно не трогал за ненадобностью, книгами о свойствах философского камня. Снял с полки небольшой, богато украшенный том Василия Валентина. Узнай святые отцы, что Якобус хранит у себя «Двенадцать Ключей Мудрости», не избежать ему тогда общения со святой инквизицией. Быстро пролистал, пыль столбом взвилась в воздух, шершавой рукой полезла в легкие. Нашел нужное место, слова автора здесь всегда вызывали у него недоумение: «Камень философов, истинное имя которого есть VITRIOL, не есть камень, а есть дух, помни об этом. Его легко упустить, так что неосторожному опасно заниматься искусством мудрости».

Перечитал дважды, но усталость брала свое, мысль автора понять не получалось. Заглянул в атанор и вздох восторга вырвался из груди. Серая пленка разошлась, открыв взору ровную, темную, но блестящую поверхность. Группы звездообразных точек на ней образовывали рисунок ночного неба, складываясь в хорошо известные Якобусу созвездия. Он провел долгие часы на башне, занимаясь астрологическими наблюдениями, и теперь не мог ошибиться. Вот Большая медведица, вот Малая, вот Гончие псы, а тут раскинул крылья Лебедь. От удивления даже сперло дыхание, он вспомнил, что надо дышать, лишь почувствовав боль в груди. Поспешно вдохнул, закашлялся.

Заторопился, загасил пламя, рукавицы скрыли под собой руки. Медленно и осторожно извлек тигель из атанора, поставил на стол. От толчка блестящая поверхность пошла волнами, в глубине Якобусу почудилось золотистое блистание. Не удержавшись, заглянул внутрь. В этот момент из тигля словно плюнули золотистым облачком. Едкий газ ворвался в горло, Якобус закашлялся, почувствовал, как немеет лицо. Попытался поднять руки к лицу, не смог, руки словно охватило свирепым морозом. Некоторое время алхимик еще чувствовал холод, потом наступила темнота.

Карл встал и в этот день, как всегда, с петухами. Старик служил еще Гансу Форштайну, помнил и деда нынешнего хозяина. Утренний ритуал не менялся уже десять лет, с тех пор, как они переехали на это место: встретить молочника, растопить печь. Вскоре аромат горячей пищи потек по полуподвальной кухне. Хоть хозяин и сидит там со своими склянками и книгами, про еду забывает, но кормить его надо. Кто же это сделает, как не Карл? Подниматься по лестнице с подносом не просто, ступени грубые, разной высоты, но слуга ходил здесь уже много лет и поднимался уверенно. Поставил поднос в специально для этого

приспособленную нишу в стене, постучал. Огромная, окованная железом дверь ответила дребезжащим грохотом. Хозяин откликался всегда, даже если отказывался от еды. Но на этот раз лаборатория молчала, ни голоса, ни шороха. Карл прислушался, постучал еще раз, – нехорошее предчувствие змеей вползало в сердце.

Подмастерья соседа-кузнеца долго отказывались идти в дом к «энтому чернокнижнику», крестились, поминали Господа и Мать Его. Лишь звяканье монет в ладони Карла убедило их. Плечистые парни выбили дверь с третьей попытки. Карл влетел в лабораторию и окаменел: хозяина не было видно, а около стола возвышалась статуя. Солнце светило сквозь ажурную раму, и от статуи бегали по помещению веселые золотистые зайчики. Раздался глухой стук, Карл обернулся – один из подмастерьев упал в обморок. Его можно было понять, никто в небогатом городе никогда не видел столько драгоценного металла сразу.

Долго после этого по городу бродили слухи, один красочнее другого, как старого сумасшедшего Якобуса унес дьявол, а в расплату за душу нечестивца оставил великолепно выполненную статую алхимика, отлитую из чистейшего золота…

notes

Примечания

1

Атанор – алхимическая печь.